

Антинаполеоновские коалиции и их противник

В.М. Безотосный

В науке имеют важное значение оценочные моменты тех или иных исторических событий и процессов. Так, наполеоновские войны часто называют эпохой коалиций. В современной отечественной историографии вопроса о характере антинаполеоновских коалиций чаще всего касался Н.А. Троицкий. Он же написал специальную статью, посвященную этой теме¹, заслуживающую особого рассмотрения. Значительное место в ней отведено историографическому описанию и критике точек зрения историков разных школ и стран. Автор рассмотрел «пеструю гамму оценок» и лишь в заключении в концентрированном виде представил собственное видение этого неоднозначного явления: «Надо признать, что войны феодальных коалиций 1813—1815, как и 1805—1807 гг. против Наполеона были гораздо более реакционными, чем освободительными» (с. 83). На наш взгляд, исследователю достаточно сложно определить в подобном идеологическом сочетании (слияния духа национального возрождения с реакционными тенденциями) перевес в ту или иную сторону. Сделать подобное можно только «на глазок», поскольку у историков отсутствуют инструменты для точного измерения духовных сфер, и в таком случае в исследовании на первый план выступают личные пристрастия автора.

Но не будем бросать упреки в субъективизме. Гораздо интереснее проанализировать основные постулаты и выводы Н.А. Троицкого. Касаясь целей и характера антинаполеоновских союзов, смысла их создания, начиная с 1805 г., он посчитал, что «найти ответы на эти вопросы нетрудно: достаточно лишь вчитаться в тексты многочисленных (особенно секретных) документов коалиций, ...а также всмотреться в плоды коалиционных усилий». Сразу укажем, что при рассмотрении очень сложных вопросов истории международной политики не совсем корректно ограничивать источниковую базу лишь дипломатическими актами союзников, а потом оценивать итоги, не беря в расчет цели и проводимую их противником политику. Тем не менее, Троицкий полагает, что уже документы III и IV коалиций 1805—1807 гг., закамуфлированные гуманной фразеологией, «эскизно начертали ту программу территориального раздела и социального передела Европы, которую в 1815 г. узаконит Венский конгресс» (с. 81). Даже согласившись с первой частью постулата о планах дележа территорий (было бы странно, если бы коалиционеры предварительно об этом не договаривались), стоит заметить, что со-

Безотосный Виктор Михайлович — кандидат исторических наук. Государственный исторический музей.

циальный передел Европы произошел все же не по вине союзников, а стал плодом деятельности до 1815 г. их главного противника — Франции. Участники коалиции же в 1815 г. вынуждены были принять многие произошедшие социальные изменения и лишь попытаться адаптировать их в новую европейскую действительность. Французская революция и следовавшая за ней наполеоновская эпоха встряхнула «старую» Европу и, оказав огромное влияние на многие сферы жизни, радикально изменила ее социальный облик.

Троицкий считает, что гуманная фразеология дипломатических документов (освобождение от «ига», и «целей» Наполеона, обеспечение «прав и свобод» народов) — это «не более чем фиговый листок». По его мнению, «она вуалирует, но не может скрыть от исследователей их реальные задачи, которые сплавлены в два стержневых направления: 1) территориальное расширение, захват и грабеж новых земель — как минимум и господство в Европе — как максимум; 2) сохранение уцелевших на континенте феодальных режимов и восстановление свергнутых Французской революцией и Наполеоном» (с. 81).

Стоит оговориться, что «гуманная фразеология» присутствовала не только в дипломатических актах², но и в значительной части публицистических и пропагандистских материалов союзников. «Перо опаснее меча...», а либеральные и тираноборческие тенденции в публицистике получили широкое распространение и активно воздействовали на умы современников, в том числе и на российскую читающую публику³. Данное обстоятельство в немалой степени обеспечило поражение Наполеона в информационной и идеологической войне, а это, в свою очередь, безусловно, повлияло и на достижение конечного победного результата в военных действиях. Поэтому не стоит столь категорично сбрасывать со счетов либеральную «гуманную фразеологию», так эффективно использованную противниками Наполеона, ее дальнейшее влияние и последствия для общественно-политических процессов в Европе, в том числе и в России.

Конечно, справедлив доминирующий в литературе вывод о том, что основной целью всех антинаполеоновских коалиций, открыто исповедовавших принцип легитимизма, была защита феодальных порядков на континенте. Трудно ожидать, что кто-то без борьбы добровольно отдаст суверенитет, власть, собственность, вековые привилегии. А вот первейшая задача («стержневое направление»), сформулированная Троицким, вызывает сомнения. Ведь все то, что им инкриминировано коалиции («захват и грабеж новых земель», «господство в Европе») без всяких оговорок необходимо отнести в первую очередь к Наполеону, поскольку в то время не было более беззастенчивого и удачливого «захватчика» и «грабителя» в международном плане, чем французский император. По этим показателям он безоговорочно опережал всех и с ним не мог сравниться ни один феодальный властитель. Его же конкурентов за обладание данными определениями можно охарактеризовать лишь как «скромники». Да и объединялись монархи против Наполеона потому, что он, как более сильный и наглый, нарушал выработанные веками каноны «разбойничьего» поведения и все норовил их же и обидеть. Конечно, среди последних хватало любителей «захватить» и «пограбить», но после 1815 г. они вынуждены были играть по правилам, разработанным «командой победителей». Потом, называть «грабителями» большинство стран-победителей не очень корректно. Например, Россию. Это что, в результате «грабежа» чужих территорий она получила сгоревшую Москву, разоренные войной губернии, вконец разстроенные финансы? А вот во Франции даже перед ссылкой Наполеона баланс государственных расходов и доходов был почти положительным, а государственный долг ничтожен, именно вследствие ограбления Европы в пользу французской казны⁴. Ведь Париж союзники, в том числе и русские войска, не разграбили и не сожгли, капиталы частных лиц и наличность Французского банка не тронули, даже ценности Лувра, свезенные из ограбленных Наполеоном стран, остались в неприкосновенности! Не случайно русский историк А.К. Дживелегов следующим образом оценивал

цветущее государственное хозяйство Франции: «В 1815 г. после стольких страданий, истерзанная двумя нашествиями, истекающая кровью, обезлюдевшая Франция была все-таки самой богатой страной в мире»⁵.

Троицкий, рассматривая результаты победы коалиционных сил исключительно как негативные, бичуя при этом в первую очередь царизм («хозяйин крупнейшей феодальной державы мира»), делает сравнение с действиями французского императора (наследника революции) и считает, что они «были неизмеримо прогрессивнее всего содеянного антинаполеоновскими коалициями». В целом как положительное явление он отмечает, что «Наполеон стремился к европейской интеграции, которую он сам деспотически контролировал бы, но, как бы то ни было, толкал он Европу вперед, к современным ценностям, унаследованным от Французской революции, а не назад, в дореволюционное средневековье». Можно даже сказать, что слышится намек на мессианскую благодать в прогрессивной роли Наполеона и сквозит явное сожаление о том, что французский император в итоге оказался в проигрыше. Далее Троицкий приводит и творчески развивает две фразы К. Маркса, что действовал он «наполовину не так деспотически, как имели обычай поступать те князья и дворяне, которых он пустил по миру», да и «легче переносить деспотизм гения, чем деспотизм идиота» (с. 83).

Размышления Маркса на тему деспотизма и прогрессивности вполне понятны, также как понятна логика его построений. Он пытался доказать, что новый общественно-экономический строй прогрессивнее и лучше старого. С этой точки зрения Наполеона надо было оправдать хотя бы как противника феодализма, расчищавшего путь капитализму. Но после Маркса мир переменялся, изменились и представления на многие, казалось бы, неизменные вещи. Все меньше остается понятий, которые бы сохранили свой изначальный канонический смысл. В том числе не так однозначно стали трактоваться понятия «прогресс» и «цена прогресса», которые, как оказалось, могут нести не только положительные, но и побочные отрицательные моменты. Что же до мнения Троицкого, то, с одной стороны, он не изменяет формационному подходу в оценке глобальных явлений истории, но, с другой — стал явным заложником марксистских постулатов. При этом возникают следующие вопросы. Если Франция являлась тогда передовой капиталистической страной, а Наполеон олицетворял прогрессивные идеи, то почему, в столь короткие сроки, идя от победы к победе и добившись господства в Европе, его «звезда» так быстро закатилась? Кто позволил ему «вырвать поражение из рук победы»? Если капитализм более прогрессивный строй, чем феодализм, то почему буржуазная Франция, находясь в зените военной славы, в конечном итоге потерпела поражение от дряхлеющих феодальных монархий Европы? Отвечая, можно предположить, или европейский феодализм еще не исчерпал потенциал (смог же одолеть в итоге одного из лучших полководцев в мировой истории), или что-то тогда было не так в буржуазной «консерватории» наполеоновской империи. В такой постановке оба предположения вполне правомочны.

Почему сын бедного корсиканского дворянина, став императором, так старался адаптировать себя и свою империю к рамкам старой феодальной Европы? Как-то уж очень быстро забылся один из главных лозунгов французских революционеров («смерть королям!»). Ведь провозглашение империи — это возврат к монархической форме правления, больше свойственной феодализму, а отнюдь не капитализму⁶. Три родных брата, сын и шурип по его назначению стали королями, пасынок вице-королем, маршалы — герцогами и князьями, а германские курфюрсты и герцоги, доказавшие преданность императору, также удостоились королевской короны. А активная семейная matrimonialная политика Наполеона — брачные альянсы его родственников с августейшими королевскими особами, потомками древних домов Германии и Италии? А повторный брак Наполеона на австрийской эрц-герцогине Марии-Луизе? Что это, как не явная попытка войти на равных в семью феодальных европейских государей, а также откровенное жела-

ние стать родоначальником новой династии правителей европейского континента? Подавляющее число французских генералов и высших гражданских сановников того времени получили титулы баронов и графов империи в 1808—1814 годах. Феодальное титулование явно нарушало провозглашенный революцией принцип «равенства» — новое дворянство поднималось над простыми гражданами. Да и другие, некогда популярные лозунги («война дворцам», «смерть аристократам») были полностью преданы забвению. Безавшие от ужасов революции французские дворяне охотно принимались Наполеоном на службу, особенно на придворную. Ему льстила мысль, что его будут окружать носители старинных аристократических фамилий, занимавших почетные места в летописях королевской Франции. А Двор Наполеона был самым дорогостоящим в Европе и всех перешеголял блеском, великолепием и пышностью. Одна коронация 1804 г. чего стоила, затмив все предшествующие подобного рода церемонии. Значит, для «коронованного представителя восторжествовавшей революции» были все же весьма привлекательные моменты в феодализме, если он восстановил не только католическую церковь, но и придворный этикет, копировавший обычаи королевских дворов, создал новое имперское дворянство и, по сути, ввел феодальную иерархию в государство.

Безусловно, император Франции пытался влить новое вино в старые меха. Крутой поворот от республиканских принципов в сторону старорежимных механизмов был попыткой изменить форму существования при сохранении прежнего содержания, наложить на республиканские учреждения монархический отпечаток. При этом сложно не заметить объективную антифеодальную направленность многих его действий. Наполеон как наследник революции в подвластных и подконтрольных его империи странах действительно стремился дать политическую организацию, соответствующую государственному и правовому устройству Франции. Но для чего и почему он это делал? Из-за сочувствия угнетенным и обездоленным или ради прогресса? В данном случае им, как прагматиком, преследовалась конкретная и откровенная цель — прочнее привязать всю Европу к постреволюционной Франции, а в итоге создать единую европейскую империю под своим скипетром. В первую очередь он стремился максимально использовать людские ресурсы европейских народов и безжалостно эксплуатировать экономику подвластных территорий в интересах утверждения тотального господства Франции в Европе. Это ли не грабёж? Свидетельство тому — контрибуции, содержание войск за счет местного населения подвластных стран, постоянные территориальные приращения наполеоновской империи до 1812 г., своз культурных европейских ценностей в Париж.

Но на всякое действие рано или поздно возникает противодействие. Каждый завоеватель имеет предел своих побед. Создание коалиций в XIX столетии и являлось прямой реакцией на силовые действия (продолжение политики «революционной экспансии») Наполеона. По мнению специалиста по истории Франции А.В. Ревякина страны антифранцузской коалиции в ходе революционных и наполеоновских войн были вынуждены пересматривать внешнеполитические цели: «Постепенно сама Франция, перейдя от обороны к активной внешней экспансии, а затем — к борьбе за господство в Европе, стала угрожать независимости и территориальной целостности европейских государств. Поэтому в их политике на первое место вышли оборонительные задачи. Озабоченные, прежде всего, собственной безопасностью, европейские монархи заметно охладели к судьбе Бурбонов». Главной же целью союзные державы «провозглашали стремление восстановить баланс сил в Европе, нарушенный «чрезмерным честолюбием французского правительства и превышающим всякие соображения влиянием, которое оно стремится себе присвоить»⁷. При этом члены коалиции не забывали о собственных интересах, стараясь обеспечить долю в будущем разделе Европы, некоторые даже вступали в сепаратные сделки с противником. Но каждое государство в отдельности было слабее наполеоновской Франции и не обладало такими

амбициями и аппетитом на чужие территории, как у французского императора, поэтому и вынуждено было примыкать рано или поздно к коалициям. Причем их монархам необходимо было хорошенько просчитать последствия своего решения, которые могли быть и печальными. Протицируем фразу из письма Наполеона русскому послу во Франции князю А.Б. Куракину в мае 1812 г.: «Горе тому, кто разоидется со мною, или кто образует коалицию против меня. Сугубое горе их престолам, ибо они превратятся в прах»⁸. Это помимо многих обвинений и угроз в адрес Александра I и России. Большинство же европейских монархов французский император мог и не писать что-то подобное, они и так, без всяких угроз, это очень хорошо знали и понимали. Перед их глазами стояли судьбы многих носителей корон, оставшихся по воле Наполеона без владений. Тезис «Кто не с нами, тот против нас» работал безошибочно. Поэтому очередь желающих вступить в коалицию была не велика, она стала постепенно выстраиваться лишь в 1813 году. Также по этой причине можно согласиться с мнением А.Н. Пыпина, которого никак нельзя заподозрить в симпатиях к российской монархии. Александр I, полагал он, «мог не без основания говорить, что война велась за независимость и права народов и за политическое достоинство России»⁹.

С этой точки зрения рассмотрим участие России в III и IV коалициях 1805—1807 годов. Умозрительно предположим, что Россия в этот период оказалась бы нейтральной. Чтобы произошло с Австрией в 1805 г. после капитуляции ее войск в Ульме? Вся территория государства оказалась бы открытой для победного марша наполеоновской армии в любом направлении. Австрийцы вряд ли бы смогли организовать достойное сопротивление. Хотя французская империя не «заглотила» бы все австрийские владения, но условия мирного договора, подписанного в Пресбурге, оказались тогда бы совсем иными, когда русские войска еще находились в Австрии и Наполеон спешил закончить переговоры, чтобы вывести Австрию из игры. В распоряжении императора Франца I, можно с полной уверенностью предполагать, остались бы крохи от бывших у него земель и населения. Что произошло бы с Пруссией без русской военной помощи, когда исход франко-прусской кампании 1806 г. решился с ошеломляющей современников быстротой при Иене и Ауэрштедте, а по прошествии каких-то трех недель были заняты почти все крепости, исключая Данциг и Кёнигсберг? Тут даже долго рассуждать не надо — после полного разгрома ее армий Пруссия перестала бы существовать на карте Европы. Если же вернуться к реально происходившим событиям в 1806 г., то надо сказать, что ситуация для России складывалась не простая. Сразу же после сокрушительного поражения прусской армии трое «молодых друзей» императора (А. Чарторыйский, Н. Новосильцев, П. Строганов), беспокойные возможным крайне неблагоприятным вариантом развития событий (опасались восстановления Польского королевства под скипетром Наполеона или его брата, а также и иноземного вторжения), 11 ноября 1806 г. подали императору общую записку. В ней они предлагали «великие и сильные меры, мудро продуманные и с возможною скоростью в исполнение проводимые»¹⁰. Какие там завоевательные планы! О них даже речи не шло. Записка начиналась словами: «Россия в опасности, в опасности великой, необыкновенной». Налицо возникла прямая угроза территориальной целостности государства. Мало того, правительственные круги не были уверены в том, что русские войска смогут остановить победную поступь Наполеона — в 1805 и 1806 гг. армии антифранцузских коалиций терпели невиданные поражения. Власть боялась, что кошмар Аустерлица, Иены и Ауэрштедта повторится в очередной раз¹¹. Именно этим можно объяснить появление манифеста 30 ноября 1806 г. о создании ополчения, численность которого должна была превысить 600 тыс. человек¹², а также манифеста 6 декабря 1806 г. по которому верующих призывали содействовать ополчению, а по воле Синода во всех церквях Наполеон провозглашался антихристом, лжемессией и «гварью... достойной презрения»¹³. Два предшествующих печальных сценария (австрийский и прусский) не устраивали Россию. Вполне очевидно, что дей-

ствия русских войск в Австрии и Пруссии в 1805—1807 гг. в большей степени носили оборонительный характер. Россия стремилась спасти «обломки» прежней Европы и не допустить распространения пожара войны к своим границам. Здесь уместно привести записи Ключевского, характеризовавшего внешнеполитический план России 1804 г. «для борьбы с всемирным завоевателем»: «Это — программа века. Под видимой отвлеченностью — ее реальный интерес, в котором смысл 3-й и 4-й коалиций: Россия боролась за Германию, чтобы предупредить борьбу за себя, в 1805 и 1807 гг. хотела предотвратить 1812-й год»¹⁴. Целевая внешнеполитическая направленность у России в этот период достаточно очевидна.

Если уж говорить о завоевательных планах в начале XIX в., то необходимо четко понимать, что зеленый свет им дал в 1807 г. Тильзитский мир. Два императора и выступили в роли агрессоров. Властелин Запада Наполеон тогда получил возможность разобраться с Испанией, а его союзник Александр I, фактически по совету французского императора, решил наказать Швецию, поскольку она дружила с Англией, и заодно забрать себе Финляндию¹⁵. Это как раз были четко спланированные завоевания. Испанской авантюре Наполеона даже трудно подобрать определение типа «государственный переворот», «вмешательство во внутренние дела», или «агрессия». Да и как квалифицировать акт, когда приглашенные на французскую территорию испанский король и его наследник были интернированы, подписали отречение от престола, а на испанский трон был посажен старший брат Наполеона Жозеф. И этот прогрессивный антифеодальный акт испанцы почему-то встретили отнюдь не радостно и взялись за оружие. Причем историки сходятся во мнении, что оба интернированных представителя испанских Бурбонов были личности малопривлекательные и несимпатичные. Видимо, недовольным испанцам французы и их ставленник Жозеф не понравились больше чем собственный король и его сын. На Севере Европы финны тоже развернули партизанскую войну против русских войск. К чести тогдашней России, необходимо сказать, что дворянское общество порицало войну со Швецией, считало ее несправедливой, а многие офицеры старались побыстрее перевестись из Финляндии на театр военных действий против турок¹⁶. Правда, Александр I смог договориться с местным дворянством и успокоить финнов, даровав им конституцию 1809 года. Российский император признал нового испанского короля, так же как Наполеон признал присоединение к России великого княжества Финляндского. Но то, что эти два эпизода были по сути актами агрессии, не вызывает сомнений. Россия же тогда не входила в состав коалиции, а являлась союзником Наполеона.

Исследователю трудно не заметить в наполеоновских войнах оборонительный характер действий коалиций. Д. Чандлер в свое время попытался оценить Наполеона как зачинщика войн. Он пришел к следующим выводам: «За исключением случаев с Португалией (1807), Испанией (1808) и Россией (1812), обычно вначале на него нападали. Однако нельзя отрицать, что многие из этих нападений в конечном счете были спровоцированы самим императором в военных и пропагандистских целях»; «столь же справедливо можно утверждать, что Наполеон был жертвой поколения, стремившегося к войнам, и то, что он был “человеком крови”, ответственным за огромный пожар войны, пылавший в Европе так много лет»¹⁷. Сказанное явно противоречит базирующимся на наполеоновской легенде мифологическим построениям о миролюбии императора Франции.

Что-то, а создавая врагов, даже когда их не было на горизонте, Наполеон всегда умел. При этом стоит расширить список «нападений» Чандлера. Еще до прихода к власти, будучи генералом, Бонапарт в 1798 г. без объявления войны и всякого *casus belli* осуществил экспедицию в Египет. Первоначально он предложил Директории (вместо высадки в Англии) два варианта: напасть на Ганновер или овладеть Египтом. Остановились на последнем, откровенно авантюрном проекте. С точки зрения геополитики это был очень перспективный шаг — захват Египта блокировал один из путей в Индию и

создавал угрозу британским колониальным владениям. Но вот с точки зрения осуществимой политики и достижения реальных результатов — химерический. В первую очередь эта экспедиция увеличивала число врагов Франции. Ведь египетские мамелюки, находившиеся под властью Турции, никакими узлами не были связаны с Великобританией и им не было ни какого дела до того, что творилось в Европе, а уж с французами подавно воевать не собирались. Фактически же, Франция в конце XVIII в. отнимала у себя для действий в Европе 40-тыс. армию в то время, когда войска А.В. Суворова заняли завоеванную Наполеоном Италию. Конечно, удар по Египту не мог оставить англичан равнодушными. Хотя они в то время и не использовали сухопутный путь в Индию через этот регион, но их обеспокоил захват Мальты, а также возможность использования Египта как французского плацдарма в будущем для дальнейшего проникновения в Азию. Армия Наполеона достаточно легко захватила Египет, а прозевавший экспедицию английский флот затем уничтожил при Абукире французскую эскадру, тем самым отрезав сообщение Наполеона с Францией. Дальнейшая судьба французов была предопределена, шансов удержаться в Египте у них не осталось. Но зато Наполеон успел там опробовать прогрессивные методы: отменил отжившие феодальные установления и обычаи, социальные и религиозные ограничения (все наследие тирании мамелюков), способствовал оживлению экономики, стал издавать газеты. Несмотря на это, французам приходилось периодически подавлять восстания местного населения. Печальный финал экспедиции известен. Но вот только тот, кто должен был нести ответственность за ее провал, стал Первым консулом.

Мы же лишь подчеркнем, что использованные в 1798 г. методы ведения внешней политики неоднократно применялись затем Наполеоном и в период империи. Можем только пояснить тезис Чандлера о провокационности действий Наполеона. Это, когда одним росчерком пера те или иные территории вдруг присоединялись к Франции: внезапно голландцы, немцы или итальянцы узнавали, что они уже вчера стали подданными другого государства. Военных действий не велось, французы без боя входили в города и устраивали свою администрацию. Все уже очень хорошо знали, что неоднократно Наполеон демонстрировал полнейшее пренебрежение какими-либо правовыми или моральными сдержками, когда речь шла о политических или экономических выгодах. Но как на такие акции и поведение должны были реагировать еще не присоединенные и не благодетельствованные Францией ее соседи? Ждать своей очереди, когда главный европейский режиссер территориальных переделов их осчастливит?

Некоторым диссонансом на фоне выводов Чандлера звучит марксистский тезис о прогрессивности политики Наполеона. Ведь, по сути, он оправдывает захват чужих территорий, «революционную целесообразность» и прогрессивные революционные захватнические войны. Прогресс, овеянный революционной романтикой, но основанный на культе военной силы, купленный кровью и чередой бесконечных войн. Хотя с точки зрения сторонников «вечно живого учения» это диалектика и никаких странностей здесь нет. Хорошо все, что служит делу революции и прогресса. Правда, в этой схеме выпадает и не звучит один важный момент — что же нужно было делать с ретроgrадами и реакционерами, выступавшими на стороне «Старого режима»? Понятно, судьба эксплуататоров марксистам не интересна, подумаешь, попали под гильотину или расстреляли несколько десятков тысяч дворян и их верных холопов, мешавших делу прогресса. В XX в. счет шел уже на миллионы и ничего. Но историк не должен исходить из идеологизированных схем, выступать адвокатом или прокурором одного излюбленного им класса или одной «верной» теории. Надо хотя бы сделать попытку подняться над схваткой, абстрагироваться от личных, национальных и идеологических пристрастий и стараться с этих позиций оценивать деятельность современников событий. А вот по поводу стоимости прогрессивности деяний Наполеона — по разным подсчетам в наполеоновских войнах Франция потеряла от 1

до 2 млн человек. В целом этот прогресс (как и «карьера маленького капрала») Европе обошелся от 2 до 4 млн жизней, как правило, молодых людей. Всегда трудно сопоставлять на чаше весов истории потери и приобретения и пусть каждый решит дорого это или приемлемо.

Что касается тезиса о Наполеоне, как первого интегратора Европы. В то время не было экономической заинтересованности отдельных стран и территорий в объединении, а существовала только политическая воля одного человека, стремившегося создать империю силой штыков. И именно навязывание этой воли военной силой привело к резкому взлету национализма и освободительных тенденций в большинстве стран Европы, что и стало в конечном итоге одной из причин крушения французской империи. Еще Пыпин обратил внимание на то, что внесение французских законодательных норм в практику завоеванных территорий привело к странному на первый взгляд явлению, а именно: «Наполеоновское иго над Германией послужило для нее началом освободительного движения. Уничтожая политическую независимость целых стран, завоевание полагало для них зачатки независимости гражданской»¹⁸. Наполеон своим бесцеремонным поведением взрастил и дал толчок национальному подъему в Европе, что его и погубило — возникла мощная контрэнергия — энергия сопротивления его имперским амбициям. От него уже хотели избавиться не только феодальные монархи, но и европейские народы. В данном случае уместно сказать, что объединительные тенденции возникли в Европе в начале XIX в., но также нужно подчеркнуть, что именно стремительно набиравший рост национализм возник как противовес наполеоновской модели силового объединения. Логично, что его взяли в союзники и использовали в своих целях силы «Старого режима» в борьбе против Наполеона. Такие в целом разнонаправленные тенденции как национализм и либерализм соединились для достижения своих целей под знаменем социального консерватизма.

Попробуем все же спрогнозировать ситуацию, при которой Наполеон смог бы сохранить власть. Предположим, что в 1812 г. он не пошел на Россию, стабилизировав статус-кво в Европе, удержав могущество, влияние и сохраняя империю в неприкосновенности. Каков был бы политический сценарий и дальнейшая судьба империи после его смерти, доживи он, как это случилось в действительности до 1821 года? Были ли шансы у его сына, которому исполнилось тогда только 10 лет унаследовать власть или империя бы развалилась? Зная реалии наполеоновской эпохи, можно с большой долей вероятности предположить, что от империи очень быстро остались бы одни руины¹⁹. За лакомые куски оставшегося без хозяина наследства передрались бы меж собой родственники, маршалы, сановники.

Необходимо сделать еще одну ремарку. У феодальных держав коалиции не наблюдалось тогда заметного военно-технического отставания от французов. Французский наполеоновед Ж. Тюлар привел внушительный список технических новшеств, к которым Наполеон проявил равнодушие и не захотел внедрять, упрекнув его в недостаточном внимании к вопросам модернизации вооружений²⁰. Военные успехи французского оружия начала XIX в. обеспечивались стратегией наступательных действий и маневренной войной, новой системой организации войск и штабной службы, а также применением передовой тактики на полях сражений. Но со временем, противники Наполеона усвоили уроки полученных поражений, смогли многое заимствовать у тех же французов, модернизировать свои армии и найти противоядие наполеоновской стратегии²¹.

Одной из объективных причин победы феодальной реакции стал тот факт, что капитализм во Франции и в Европе еще только вступал в фазу промышленной революции. Тон в этом процессе задавала не Франция, а Великобритания, не зря эту державу тогда называли «мастерской мира». Ее техническое и торговое превосходство являлось несомненным. В целом французская промышленность (при развитой военной индустрии) не намного опережала в развитии другие страны континента, в то же время,

например, в хлопчатобумажной отрасли английская технология была в четыре-пять раз производительнее французской. Во всяком случае, не было существенной разницы в уровне производства Франции с Пруссией, Австрией, Россией (лишь социальные различия). Это обстоятельство облегчало борьбу коалиций с Наполеоном. Отметим в данном контексте роль и двоякие последствия континентальной блокады²². С одной стороны, она, бесспорно, способствовала росту европейской промышленности при отсутствии английских товаров. С другой стороны, предпринимательские круги не только в Европе, но и во Франции чувствовали ненормальность положения в экономической сфере и желали восстановления межгосударственных торговых связей²³. Вся экономика Европы уже безмерно устала от войн и от их главного генератора Наполеона. Европейские деловые круги теперь желали одного — чтобы он сошел с политической сцены. И можно понять эмоции Ж. де Местра, когда в 1814 г. он воздавал благодарность «Проведению, которое, наконец-то, прекратило сию гражданскую войну рода человеческого»²⁴. В данном случае именно так он обозначил окончание длительной борьбы против Наполеона, имея в виду участие и победу в ней граждан всей Европы.

О том, что во Франции давно зрело недовольство против императора, писал Тюлар: «Начиная с 1808 года буржуазия мечтала отделаться от своего «спасителя», который перестал ее устраивать, однако не решалась на изменение, способные ущемить ее интересы. Неблагодарность умерялась трусостью. Поражения наполеоновской армии стали, наконец, для буржуазии тем предлогом, которого она ждала долгих шесть лет. Нотабли были не в состоянии собственными силами свергнуть императора, они нуждались в помощи извне»²⁵. Падение империи было обусловлено многими факторами, но в немалой степени ошибками Наполеона. Примечателен в этой связи еще один момент. Известно, что в Испании (с 1808 г.), в России (1812 г.), во многих частях Германии (1813 г.) наполеоновские войска столкнулись с народными войсками. И вот в 1814 г. союзники, войдя на территорию Франции, опасались, что и французы вспомнят традиции 1792 г. и как тогда возмутся за оружие. Причем Наполеон действительно предпринимал конкретные меры, чтобы сделать войну народной. Но все оказалось тщетным, рядовые французы проявили полную апатию, а представители буржуазии выступали с речами, в которых содержалось больше критики Наполеона, чем конструктивных предложений²⁶. И это говорит о многом. Почему реакционные силы подняли народные массы на борьбу с «неприятелем», а прогрессивный Наполеон не смог? Может быть, к этому времени его «прогресс» оказался девальвированным и уже ничего не стоил? В конечном итоге во Франции в 1814 г. от императора отвернулись все, последними оказались его маршалы. Когда он подписал акт отречения, вся Европа, за исключением бонапартистов, вздохнула с облегчением, она давно этого хотела. Оказался прав ветеран и идеолог коалиций Ж. де Местр, который еще в начале 1812 г., оценивая возможности победы сил Старого режима, писал: «Все будет бесполезно, пока не зародится во Франции дух отвержения Наполеона, а вне ее — желание низвергнуть его»²⁷.

Что же касается династии Бурбонов, то не союзные монархи настаивали на ее реставрации. В их рядах не было единства по этому вопросу. Людовик XVIII прибыл в обозе союзных армий и большинство европейских монархов высказывались за его кандидатуру, но обсуждались и другие варианты, вплоть до республики, лишь бы без Наполеона. Избрать же форму правления предоставили голосу нации²⁸. На окончательное решение повлияли даже не демонстрации роялистов, а мнение представителей французской буржуазии, выраженное генеральным советом департамента Сены и Сената. Династия Бурбонов была восстановлена на троне благодаря усилиям этих двух государственных органов Франции, а по настоянию Александра I были введены конституционные учреждения. Стоит заметить, что и во время «ста дней» французская буржуазия опять не поддержала и отвернулась от Наполе-

она, что также явилось одной из причин его повторного отречения. У французских буржуа был, по-видимому, свой взгляд, отличный от Н.А. Троицкого, на прогрессивность деяний Наполеона.

Даже если выносить приговор историческим событиям и лицам с точки зрения борьбы и смены общественно-экономических формаций, то в первую очередь стоит говорить о том, что деятельность Наполеона перестала соответствовать интересам буржуазии, поэтому он и потерял власть. К этому времени капитализм уже пустил корни во многих странах Европы, а политически слабой буржуазии нужна была стабильность. Форма правления ее беспокоила в меньшей степени, она умела приспосабливаться к феодальным порядкам, по большому счету, войны и революции в Европе ей мешали. Буржуазия, не без оснований, надеялась на эволюцию государственных устоев в нужном для себя направлении.

Именно подобными примерами можно объяснить своеобразные качества истории — реставрации, контрреволюции, контрреформы — все виды отступления от намечившихся передовых тенденций, обусловленных развитием экономики и общественного развития. Сторонники прогресса, а в том или ином виде большинство историков являются таковыми, в эти понятия вкладывают негативный смысл. Но при оценках происходивших процессов необходимо принимать во внимание не только соотношение сил уходящего «старого» и нарождавшегося «нового». В данном случае уместно привести мнение В.В. Дегоева: «Как показал опыт Франции, революция была опасна не своими «высокими» идеалами, а способностью этих идеалов трансформироваться в «низменные», агрессивные побуждения правителей и народов, направленные вовне и доставляющие огромные бедствия не только королям и тронам»²⁹. Не всегда «новое» несло положительный заряд, а «старое» — отрицательный. Иногда — наоборот, в борьбе этих сил заряды могли меняться местами, наглядный пример — сопротивление коалиций наполеоновской агрессии в Европе. Можно согласиться с мнением Ключевского, который считал, что при Наполеоне Франция, выполняя продиктованную еще революцией освободительную миссию «превратилась в военную деспотию, которая уничтожала старые правительства, поработила и народы. Россия при Павле выступила против революционной Франции во имя безопасности и независимости старых законных правительств; но, встретившись при Александре с новой завоевательной деспотией, провозгласила внутреннюю свободу народов, чтобы спасти внешнюю независимость их правительств»³⁰. Причем феодальные «старорежимные» государства активно использовали «передовые» либеральные идеи и фразеологию против в целом негативной политики Наполеона. Использовали для того, чтобы выжить и победить, скорее всего, не понимая, что закладывали мину в общественное сознание народа. Так, зачастую, правительства «боясь революции, делают революцию».

Примечания

1. ТРОИЦКИЙ Н.А. Антинаполеоновские коалиции 1813—1815 гг.: Смысл, цели, характер. — Доклады Академии военных наук. Саратов. 2004, № 12, с. 72—83. Хотя хронологические рамки сужены автором в названии статьи тремя годами, в ней даны оценки всем антифранцузским коалициям XIX века.
2. Можно привести противоположное выводу Н.А. Троицкого мнение В.О. Ключевского: «Среди господствовавших тогда мелких эгоистических расчетов только в дипломатических бумагах петербургского кабинета можно найти кой-какой материал для системы, достойной европейской цивилизации. Так, выступая деятельной участницей европейских движений, Россия вступила на путь, по которому шла целый век — становиться во главе угнетаемых и угрожаемых какой-либо исключительной силой» (КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Неопубликованные произведения. М. 1983, с. 228—229).
3. См.: ТАРТАКОВСКИЙ А.Г. Военная публицистика 1812 года. М. 1967.

4. См.: ЛАВИСС и РАМБО. История XIX века. Т. 1. М. 1938, с. 409. Например, Ж. Тюлар приводит положительные цифры финансовых итогов кампаний 1805—1807 гг. и делает вывод, что они «ничего не стоили французским налогоплательщикам». Правда, он полагает, что исключая кампанию 1809 г. против Австрии, но, начиная с военных действий в Испании для империи Наполеона «война из доходной превратилась в разорительную» (ТЮЛАР Ж. Наполеон, или миф о «спасителе». М. 1996, с. 169, 261).
5. ДЖИВЕЛЕГОВ А.К. Александр I и Наполеон. Исторические очерки. М. 1915, с. 57.
6. Один из главных идеологов абсолютизма Ж. де Местр уже в июле 1804 г., анализируя происходящее, писал, что «нет ничего полезнее временного правления Бонапарте, который устремится к собственной своей гибели и восстановит все монархические основы, причем это не будет ничего стоить законному государю». Далее он сделал прогноз, который сбылся: «коронация Бонапарте увеличивает шансы короля» (Де МЕСТР Ж. Петербургские письма. 1803—1817. СПб. 1995, с. 34).
7. РЕВЯКИН А.В. История международных отношений в Новое время. М. 2004, с. 83—84.
8. В мае 1812 года. — Русская старина. 1912, № 5, с. 433.
9. ПЫПИН А.Н. Общественное движение в России при Александре I. П. 1918, с. 132.
10. Записка трех товарищей министров императору Александру I. — Русская старина. 1894, № 8, с. 212—216.
11. Это подтверждал Ж. де Местр в письмах из Петербурга, передавая настроения царившие в правящих кругах в 1806 г.: «В надежном месте мне было сказано, что военная слава России теперь в прошлом и она накануне потери нескольких провинций» (Де МЕСТР Ж. Ук. соч., с. 63).
12. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. XXIX, № 22374.
13. Там же, № 22394.
14. КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Ук. соч., с. 256.
15. Как остроумно заметил В.О. Ключевский: «Наполеон толкнул Александра на Швецию, чтобы петербургские дамы не слышали шведских пушек» (Там же, с. 259). Н.М. Карамзин, как современный событий, затронул моральный аспект этой проблемы: «Мы взяли Финляндию, заслужив ненависть шведов, укоризну всех народов, — я не знаю, что было горестнее для великодушия Александра — быть побежденным от французов, или принужденным следовать их хищной системе» (КАРАМЗИН Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М. 1991, с. 54).
16. Эти настроения в Петербурге даже зафиксировал посол Наполеона А. Колленкур: «общее мнение против войны в Финляндии». Он также привел высказывания русских офицеров: «Эту войну с Швецией ведем мы для вашего императора» (Из записной книжки Колленкура. — Русский архив. 1908, № 4, с. 468).
17. ЧАНДЛЕР Д. Военные кампании Наполеона. Триумф и трагедия завоевателя. М. 1999, с. 12—13.
18. ПЫПИН А.Н. Ук. соч., с. 135.
19. Ж. де Местр еще в 1808 г. рассуждал о Наполеоне, его окружении и созданной им империи, предвидя крах всего им созданного после его ухода из жизни: «Сейчас есть только один воистину необычайный человек, благодаря которому все движется; но стоит ему исчезнуть, и в мгновение ока сооружение их развалится» (Де МЕСТР Ж. Ук. соч., с. 93).
20. ТЮЛАР Ж. Ук. соч., с. 166—167, 219.
21. В данном случае уместно привести мнение Р. Дюффреса: «Наполеоновская система ведения войны имела свои ограничения. Она приносила результаты в богатых странах. Где армия могла прокормиться, или на небольших театрах военных действий, например, в Северной Италии или Южной Германии, где противнику нет где было укрыться, а император мог держать в руках управление всеми войсками. Но автоматический перенос военной стратегии на огромные равнины небогатой Восточной Европы оказался непростительным прочетом, имевшим ужасающие последствия. Система хорошо себя показала, когда император сражался с армиями Старого режима, когда противник был неспособен извлечь уроки из своих поражений и отказывался от неудачной тактики. Она действовала до тех пор, пока покоренные народы не начали оказывать сопротивление» (ДЮФРЕС Р. Наполеон. М. 2003, с. 107).
22. Удачную характеристику континентальной блокады дал В.В. Дегоев: «Принимавшее черты болезненного азарта стремление Наполеона выйти за пределы человеческих возможностей привело к тому, что он, в конечном итоге, свел свою внешнеполитическую стратегию к заведомо невыполнимой задаче — построить для «коварного Альбиона» гигантский вакуумный колпак, под которым тот должен погибнуть. Всесильный Наполеон был бессилён про-

- тив этой навязчивой идеи, и она увела его слишком далеко» (ДЕГОЕВ В.В. Внешняя политика России и международные системы: 1700—1918. М. 2004, с. 145).
23. Приведем мнение Р. Дюффреса: «Причины неудач в экономической войне следует также искать во внутренних противоречиях политики Наполеона, который требовал от Европы больших жертв, не предлагая никакой компенсации» (ДЮФРЕС Р. Ук. соч., с. 160).
24. Де МЕСТР Ж. Ук. соч., с. 253.
25. ТЮЛАР Ж. Ук. соч., с. 335.
26. Подробнее см.: БОГДАНОВИЧ М. Положение дел в политическом отношении при открытии похода во Францию 1814 г. — Военный сборник. 1864, № 1, с. 10—11, 14—21.
27. Де МЕСТР Ж. Ук. соч., с. 195.
28. Декабрист И.Д. Якушкин оставил об этом свидетельство в мемуарах: «Тут союзники, как алчные волки, были готовы броситься на павшую Францию. Император Александр спас ее; предоставил даже ей избрать род правления, какой она найдет для себя удобный, с одним только условием, что Наполеон и никто из его семейства не будет царствовать во Франции. Когда уверили императора Александра, что французы желают иметь Бурбонов, он поставил в неперемнную обязанность Людовику XVIII даровать права своему народу, обеспечивающие до некоторой степени его независимость. Хартия Людовика XVIII дала возможность французам продолжать начатое ими дело в 89-м году» (ЯКУШКИН И.Д. Мемуары. Статьи. Документы. Иркутск. 1993, с. 78).
29. ДЕГОЕВ В.В. Ук. соч., с. 266.
30. КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Ук. соч., с. 257.